

ВОСПРИЯТИЕ ИММИГРАНТОВ РОССИЯНАМИ: ЭФФЕКТЫ КОГНИТИВНОЙ НАГРУЗКИ, СТЕРЕОТИПНОСТИ И ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ¹

© 2010 г. С. А. Щebetenko

*Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии,
Пермский государственный университет, Пермь;*

e-mail: shebetenko@rambler.ru

Настоящая работа продолжает серию исследований восприятия россиянами ($n = 215$) образов иммигрантов. Показано, что когнитивная нагрузка может взаимодействовать со стереотипностью образа иммигранта при восприятии иммигрантов россиянами. Когнитивная нагрузка может ухудшать эмоциональную оценку контрстереотипных иммигрантов, не влияя на эмоциональную оценку стереотипных иммигрантов. Это также означает, что контрстереотипные образы иммигрантов могут негативно оцениваться при высокой (но не при низкой) когнитивной нагрузке. В то же время это взаимодействие не проявилось при когнитивной оценке образа иммигранта – степени его стереотипности. Показано, что данный эффект является устойчивым в контексте черт личности, пола участников исследования, а также национальности образа иммигранта. Черты личности предсказывали эмоциональные оценки иммигрантов.

Ключевые слова: социальное восприятие, восприятие иммигрантов, стереотипность, когнитивная нагрузка.

Проблемы восприятия членов аутгрупп и связанных с ними стереотипов и предубеждений в последние десятилетия интенсивно изучаются. Со временем количество публикаций по данной тематике в основных периодических изданиях только возрастает [10, 27, 49]. Расширяется спектр подхода к проблеме: в фокусе внимания исследователей оказываются механизмы и проявления стереотипов и предубеждений начиная с самоотчетных [24] и вплоть до нейропсихологических [39, 46].

Восприятие иммигрантов является сравнительно новой областью социально-психологических исследований [3, 7, 15]. Разработка этой проблемы осуществляется преимущественно в терминах межгрупповых установок [22, 23, 31], в рамках этнического и кросскультурного подходов. Этнический подход рассматривает функционирование психологических процессов в контексте национальной и этнической специфики [1, 6, 36]. В рамках кросскультурного подхода проводится сравнительный анализ психологических особен-

ностей у представителей различных этнических групп [4, 8, 44]. Эти подходы позволяют интенсивно изучать и проблему восприятия инокультурных мигрантов в России [9, 11, 12].

Ранее нами было выявлено влияние на восприятие иммигрантами таких факторов, как степень стереотипности образа иммигранта, пол и локус контроля участников исследования [3, 7, 16]. В этой статье мы обращаемся к ряду проблем, наметившихся по результатам прошлых исследований.

Стереотипы. Традиционно под стереотипами понимаются обобщенные убеждения в отношении членов некоторых социальных групп [13]. Стереотипы находятся под воздействием предубеждений и могут проявляться на поведенческом уровне в качестве дискриминаций. В отличие от других видов атрибуций, стереотипы представляют собой фиксированные во времени и в контексте утверждения [38].

Социально-психологические исследования стереотипов предполагают использование методологии мишеней (*targets*). Под мишенями понимаются образы различных социальных объектов, которые предлагается оценить участникам исследования.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Министерства промышленности и природных ресурсов Пермского края (проект № 06-06-82602 а/У).

Мишени могут подвергаться экспериментальной модификации в плане их стереотипности (контр-стереотипности) [24, 47]. В качестве мишеней использовались образы членов аутгрупп. Эмпирическими примерами таких мишеней могут быть представители стигматизированных групп (афро-американцы, гомосексуалисты, иммигранты [15, 24, 47]), представители определенных профессий (врачи, программисты [33]).

Когнитивная нагрузка. Социальное восприятие в современном мире преимущественно осуществляется в контекстах разной степени информационной насыщенности. Традиционная теоретическая идея в этой связи заключается в том, что люди в ситуации ограниченных возможностей обработки информации склонны использовать стратегии упрощения. Эти стратегии могут быть нормативно верными, но давать в конечном счете неадаптивные ответы [32]. Так, при ограниченных когнитивных ресурсах индивид склонен искать быстрые адекватные ответы вместо медленных и точных решений. В этом ключе Канеман и Тверски [5, 37] разработали модель оценочной эвристики и соотнесли ее с использованием статистической информации индивидами. В целом, такой подход “когнитивного мизера” [32] изображает социального индивида как неспособного или несклонного вовлекаться в тщательную обработку информации. Однако в последние 20 лет изображение индивида как “когнитивно ленивого” все чаще сменяется представлением об индивиде как о “мотивированном тактике”. Он обладает множеством когнитивных стратегий, выбирая ту или иную из них в зависимости от собственных целей, мотивов и потребностей [32]. Социальный индивид мыслит не логически, а психологически. При этом исследования ситуаций ограниченных когнитивных ресурсов предполагают, что индивид действует по принципу “сберегающих стратегий” и эвристик [26], периферийных путей обработки информации [43], эвристического анализа [25], интуитивных суждений [37] и т.п.

Одно из направлений исследований социального восприятия решается в терминах когнитивной нагрузки (*cognitive load*). Общим предположением этого подхода является то, что обработка индивидом дополнительной и зачастую не связанной с основной проблемой информации может приводить к изменениям в социальном восприятии. Общая экспериментальная идея здесь заключена в предъявлении дополнительного (нерелевантного основному) задания в экспериментальной ситуации.

Существуют различные варианты экспериментального манипулирования когнитивной нагрузкой [49]. Одним из наиболее распространенных является запоминание в ходе основной экспериментальной работы числа, соразмерного объему оперативной памяти человека. Классический в этом отношении подход – процедура двойной задачи (*dual-task methodology*), разработанная Бэддли (*Baddeley*) с соавторами при изучении оперативной памяти [20]. Модификация этого подхода используется в социально-психологических исследованиях. Так, Джилберт (*Gilbert*) с соавторами [34, 41] применяли ее при изучении атрибуций. Арндт (*Arndt*) с соавторами использовали методологию двойной задачи при тестировании отдельных положений Теории управления страхом смерти (*Terror Management Theory*) [19]. Обычно участникам экспериментальных групп наряду с основным сообщением предъявлялись для запоминания 7–10-значные числа.

Исследования показывают, что когнитивная нагрузка может ухудшать точность социального познания [21, 42], влиять на самопрезентацию [45], препятствовать обработке субъективно сложной, неавтоматизированной информации [19]. Следовательно, мы могли ожидать, что когнитивная нагрузка может делать оценку образа иммигранта более негативной. Кроме того, в ряде исследований [24, 47] было показано, что угрожающая стабильности мировосприятия информация может ухудшать оценки контрстереотипных членов аутгрупп (гомосексуалистов и афроамериканцев). Таким образом, мы могли допустить, что эффекты когнитивной нагрузки особенно выражены при восприятии сложной и необычной информации [19], какой может быть контрстереотипность образа. Наконец, данные наших предыдущих исследований [7] дают основания полагать, что восприятие образа иммигранта может варьироваться как функция черт личности реципиента.

Цель настоящего исследования – изучение факторов, способных определять восприятие иммигрантов россиянами. В частности, изучались вклады когнитивной нагрузки, стереотипности образа иммигранта, а также личностных черт реципиента.

Исходя из вышеуказанных предпосылок, мы сформулировали следующие *гипотезы*:

1. Эмоциональная оценка образа иммигранта под действием когнитивной нагрузки становится более негативной.
2. Стереотипность образа иммигранта вносит вклад в эффект когнитивной нагрузки на эмоциональную оценку образа иммигранта.

3. Когнитивная оценка образа иммигранта под действием когнитивной нагрузки становится более негативной.

4. Черты личности россиян связаны с оценкой образа иммигранта.

МЕТОДИКА

Участники исследования. В исследовании приняли участие 234 жителя г. Перми. Однако несколько человек было исключено из дальнейшего исследования. Во-первых, 3 участника сообщили о себе, что не являются россиянами. Во-вторых, несколько участников ($n = 16$) было исключено в силу неправильного или неполного заполнения материалов исследования. Таким образом, расчеты производились с выборкой, состоящей из 215 чел. в возрасте от 18 лет до 81 года ($M = 32.4$; $SD = 17.1$), из них – 77 мужчин и 138 женщин.

Процедура исследования. Исследование было осуществлено в соответствии с межгрупповым трехфакторным планом 2 (когнитивная нагрузка: высокая, низкая) $\times$ 2 (стереотипность иммигранта: стереотип, контрстереотип) $\times$ 2 национальность иммигранта (узбек, грузин). Распределение участников по экспериментальным состояниям варьировалось от 19 до 34 чел. (подробнее см. табл. 1). Некоторое варьирование числа участников, приписанных к той или иной группе, обусловлено ранее указанными исключениями из выборки.

Дополнительно оценивались взаимодействия независимых переменных с полом участников и показателями черт личности, измеренными вопросником Айзенка [30] (в адаптации Дорфмана и Денисовой). В качестве зависимой переменной выступали показатели отношения к образу иммигранта.

Исследование проводилось в группах по 8–15 чел., которым сообщили, что они “примут участие в исследовании отдельных процессов запоминания”. Участники были случайным образом распределены на два состояния – (а) высокой и (б) низкой когнитивной нагрузки. В состоянии

высокой когнитивной нагрузки на листе формата А4 им предъявлялось семизначное число (шрифт *Times New Roman*; кегль шрифта – 72). Каждый получал свою комбинацию семизначного числа и изучал ее в течение 10 с. Натуральные числа в одном и том же семизначном числе не повторялись (примеры чисел: 3507846, 7429615, 0216497). Участникам сообщали, что “для отвлечения их внимания” после запоминания числа они должны будут прочитать “короткий текст, автобиографию молодого человека и затем ответить на ряд вопросов об этом человеке. Все это время вы должны будете удерживать в своей памяти число. Наконец, после ответа на вопросы об этом человеке вы должны будете вписать в бланк ваше число и проверить его правильность”. Участники в состоянии низкой когнитивной нагрузки должны были “просто прочитать текст о рассказчике и ответить на (те же) вопросы”.

Манипуляция национальностью образа иммигранта осуществлялась в соответствии с процедурой Щебетенко, Балевой и Корниенко [15] (см. также [24]). Поведенческие и психологические свойства, присущие образу иммигранта, были получены на основе экспертных оценок. В качестве экспертов выступала независимая группа респондентов, сообщивших о себе, что они родились и проживали на территории РФ ($n = 95$). Образы иммигрантов варьировались по степени своей стереотипности–контрстереотипности. При создании стереотипного образа эксперты создавали список свойств, которые, с их точки зрения, характеризуют представителей данной национальности. При создании контрстереотипного образа эксперты создавали список свойств, характеризующих, по их мнению, россиянина. На основе полученных списков с использованием частотного принципа были созданы стимульные “автобиографические тексты” (см. Приложение 1). В таком тексте (18–23 строки; *Times New Roman*; кегль – 12) “рассказчик” сообщал о своих интересах, привычках, симпатиях, антипатиях и т.д. в одной и той же текстовой последовательности. Каждый участник читал только один из текстов. Участники указывали в бланке свой пол и возраст.

Таблица 1. Численное распределение участников исследования по экспериментальным группам

Национальность образа иммигранта	Стереотипность образа		Контрстереотипность образа	
	Когнитивная нагрузка	Контроль	Когнитивная нагрузка	Контроль
Узбекская	34	24	30	19
Грузинская	27	29	23	29

Измерение восприятия иммигранта. После прочтения текста об иммигранте участники заполняли вопросник, включавший в себя две субшкалы: эмоционального и когнитивного восприятия иммигранта (см. Приложение 2). В предыдущих исследованиях шкала демонстрировала достаточную согласованность (α -Кронбаха), показала, что обладает конвергентной валидностью (корреляция со шкалой "Оценка" семантического дифференциала), дивергентной валидностью (ряд личностных вопросников), а также конструктивной валидностью (эксплораторный факторный анализ пунктов субшкал) [2, 3, 15]. Субшкала, по которой оценивался эмоциональный аспект восприятия, включает пять пунктов с вариантами ответов от 1 ("совершенно не согласен") до 7 ("совершенно согласен"). Был получен показатель достаточной согласованности шкалы: $\alpha = 0.75$. Распределение индивидуальных показателей по шкале соответствовало принципу нормальности (коэффициент Колмогорова–Смирнова: 0.061, $p > 0.9$).

Субшкала, оценивающая когнитивный аспект восприятия, включала четыре пункта с межпунктной согласованностью на уровне $\alpha = 0.83$. Распределение индивидуальных показателей по шкале соответствовало принципу нормальности (коэффициент Колмогорова–Смирнова: 0.062, $p > 0.9$).

Показателями эмоционального и когнитивного аспектов восприятия иммигрантов были средние арифметические от пунктов соответствующих субшкал. Субшкалы коррелировали между собой, $r(215) = .273, p < .001$. Умеренная величина коэффициента корреляции может свидетельствовать о том, что субшкалы измеряли связанные, но не идентичные конструкты.

После заполнения вопросника участникам сообщали об истинных целях исследования и выдвигаемых гипотезах, благодарили их за участие в исследовании. Исследование носило анонимный характер.

Статистические критерии. Статистическую обработку осуществляли при помощи программ SPSS 10.0 и Statistica 6.0. В ходе исследований применяли ряд статистических процедур: дисперсионный анализ, включавший анализ главных эффектов, взаимодействий факторов; анализ контрастов и *post hoc* сравнения (LSD тест Фишера); *t*-критерий для независимых групп; множественный регрессионный анализ; корреляционный анализ Пирсона; анализ надежности α -Кронбаха; анализ нормальности распределения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Контроль манипуляций. Для контроля запоминания числа испытуемые вписывали свой вариант ответа в бланк. В целом участники точно воспроизводили то число, которое они должны были запомнить. Наблюдались частные ошибки в 1 число в серии (10 случаев из 115), что можно оценивать как погрешность. Остальные 105 участников (91.3%) безошибочно воспроизвели всю серию. Таким образом, при прочтении текста об иммигранте участники действительно сохраняли число в своей памяти, что можно рассматривать как состояние когнитивной нагрузки. В плане контроля национальности образа иммигранта участники по памяти указывали в бланке национальность автора прочитанного ими текста. Все участники указали национальность образа верно. Таким образом, все участники понимали, к какой национальности принадлежал предъявляемый образ. Это особенно важно в отношении контрстереотипных образов, национальная принадлежность которых следовала исключительно из первых строк сообщения. В целях контроля эффективности манипуляции стереотипностью образа оценивались различия по показателю субшкалы когнитивного аспекта восприятия иммигранта. Напомним, что эта субшкала оценивала степень, в которой воспринимаемый образ считался стереотипным. Участники, получившие стереотипный образ иммигранта, действительно считали его таковым в значительно большей степени, нежели те, кто получил контрстереотипный образ, $t(213) = 9.67, p < .0001$. Дополнительный анализ взаимодействий показал, что главный эффект стереотипности образа на оцениваемую стереотипность не уточнялся ни одной из других независимых переменных (все $p > .11$). Таким образом, можно считать манипуляции независимыми переменными вполне эффективными.

Эффекты стереотипности и когнитивной нагрузки. Стереотипные образы иммигрантов оценивались выше, чем контрстереотипные, $t(213) = 3.17, p = .002$. В то же время когнитивная нагрузка приводила к снижению оценок иммигрантов, $t(213) = 2.27, p = .024$. Наконец, эти факторы взаимодействовали между собой, $F(1, 211) = 7.89, p = .005$ (табл. 2). Это взаимодействие выразилось в том, что когнитивная нагрузка приводила к снижению оценок контрстереотипных иммигрантов ($F(1, 211) = 13.57, p = .0003$), но не влияла на оценки стереотипных иммигрантов ($F < 1$).

Таблица 2. Взаимодействие когнитивной нагрузки и стереотипа по оценке привлекательности иммигранта (эмоциональная субшкала), $F(1, 211) = 7.89, p = .005$

Когнитивная нагрузка	Стереотипность образа	
	стереотип	контрстереотип
Высокая	4.65 (.13)	3.84 (.14)
Низкая	4.61 (.14)	4.57 (.14)

Примечание. Приведены средние арифметические и стандартные отклонения (в скобках).

Национальность иммигранта и пол участников исследования это взаимодействие не уточняли, все $p > .06^2$.

Далее мы устанавливали, проявится ли это взаимодействие по когнитивному аспекту оценки иммигранта. Однако здесь когнитивная нагрузка не производила главного эффекта и не взаимодействовала со стереотипностью, $F < 1$ (табл. 3).

Таблица 3. Взаимодействие когнитивной нагрузки и стереотипа по оценке стереотипности иммигранта (когнитивная субшкала), $F(1, 211) = .21, p = .645$

Когнитивная нагрузка	Стереотипность образа	
	стереотип	контрстереотип
Высокая	5.13 (.15)	3.57 (.16)
Низкая	5.06 (.16)	3.63 (.16)

Примечание. См. к табл. 2.

Таким образом, хотя когнитивная нагрузка не изменяла оценки стереотипности контрстереотипного образа, она снижала его эмоциональную привлекательность.

Предсказания оценок иммигрантов по чертам личности. Могут ли черты личности предсказывать оценки иммигрантов? Для изучения этого вопроса мы использовали множественный регрессионный анализ (стандартный метод). В качестве предикторов в модель были включены показатели психотизма, нейротизма, экстраверсии и социальной желательности, измеренные вопросником

Айзенка. По предсказанию эмоционального аспекта восприятия иммигранта была получена значимая модель, $R^2 = .06, F(4, 210) = 3.68, p = .006$ (табл. 4), включившая в себя все рассмотренные показатели черт личности. Исходя из полученной модели, высокие эмоциональные оценки иммигрантов можно предсказывать у индивидов с высокими значениями нейротизма на фоне высокой социальной желательности и тенденции к экстраверсии и пониженному психотизму. Напротив, низкие оценки иммигрантов можно предсказывать при высокой эмоциональной стабильности, низкой социальной желательности и тенденции к интроверсии и психотизму.

Значимую регрессионную модель для предсказаний чертами личности когнитивного аспекта оценки иммигранта получить не удалось, $p > .49$.

Вклады черт личности во взаимодействие стереотипности и когнитивной нагрузки. Для изучения этого вопроса мы осуществили трехфакторный *ANOVA*, где в качестве независимых факторов выступали стереотипность иммигранта, когнитивная нагрузка и одна из черт личности. С этой целью по каждой черте личности значения участников были проранжированы и разделены на три подгруппы по величине показателя. Образовавшиеся группы рассматривались как уровни соответствующей черты личности. Полученные таким образом факторы высокозначимо влияли на соответствующие показатели черт личности, измеренные в шкале интервалов (все $F > 138$).

Трехфакторный *ANOVA* показал, что ни одна из изученных черт личности не уточняла установленное ранее взаимодействие когнитивной нагрузки и стереотипа (все $p > .180$).

В целом, полученные результаты показывают, что взаимодействие стереотипности образа иммигранта и когнитивной нагрузки остается стабильным независимо от дополнительных условий и свойств.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Когнитивная нагрузка приводила к снижению оцениваемой привлекательности контрстереотипных образов иммигрантов, но не влияла на оценку привлекательности стереотипных образов. Кроме того, этот эффект не отразился на когнитивной оценке образов иммигрантов, степени их стереотипности. Этот результат согласуется с выдвинутой нами гипотезой о взаимодействии когнитивной нагрузки и стереотипности образа иммигранта. С чем это может быть связано?

² Следует, однако, отметить, что национальность иммигранта оказала влияние на оценку иммигранта, $t(213) = 2.96, p = .003$. При этом грузинский образ оценивался выше узбекского. Хотя эффекты национальности иммигранта не были предметом нашего исследования, можно допустить, что это различие обусловлено такими культурными факторами, как конфессиональная принадлежность и связанными с этим стереотипами. Так или иначе, это обстоятельство статистически значимого вклада в основные результаты исследования не внесло.

Таблица 4. Множественные предсказания эмоциональных оценок иммигрантов показателями черт личности

Предикторы	Эмоциональная оценка иммигрантов			
	$R^2 = .06, F(4, 210) = 3.68, p = .006$			
	β	$SD \beta$	t	p
Свободный член	—	—	2.25	.025
Нейротизм	.23	.07	3.22	.001
Социальная желательность	.17	.07	2.23	.027
Психотизм	-.09	.07	-1.25	.212
Экстраверсия	.08	.07	1.17	.243

Примечание. β – стандартный коэффициент регрессии; SD – стандартное отклонение; R^2 – коэффициент множественной детерминации; F – критерий Фишера; p – уровень значимости.

Как известно, современные теории социального познания [25, 43] делают акцент на склонности индивида обращаться к поверхностным свойствам воспринимаемого человека в ситуации ограниченных ресурсов обработки информации. Однако результаты этого исследования показывают, что когнитивная нагрузка может снижать эмоциональную оценку стимула без какой-либо динамики на когнитивном уровне (оценка степени стереотипности образа). Иначе говоря, на когнитивном уровне иммигранты оценивались сходным образом независимо от когнитивной нагрузки. Однако на более тонком, эмоциональном уровне когнитивная нагрузка имела эффект. Этот результат сопоставим с данными классического исследования Шварца (*Schwarz*) и Клора (*Clore*) [48], показывающего, что погодные условия могут определять самооценку. Возможно, что в ситуации когнитивной нагрузки индивиды могут контролировать рациональную оценку (степени стереотипности), но не могут контролировать эмоциональную оценку иммигранта. В поддержку этого говорит тот факт, что взаимодействие когнитивной нагрузки и стереотипности по оценке эмоциональной привлекательности иммигранта сохраняло свое взаимодействие среди участников с высокой социальной желательностью, $F(1, 203) = 5.63, p = .019$, но отсутствовало среди участников с низкой социальной желательностью, $F(1, 203) < 1$. Индивиды с повышенной социальной желательностью оказываются наиболее уязвимыми к действию когнитивной нагрузки: поддержание сравнительно высокой оценки иммигранта требует от них сознательного контроля, что затрудняется при когнитивной нагрузке. Следует, однако, отметить, что на когнитивной оценке образа когнитивная нагрузка не сказывалась ни среди участников с высокой социальной желательностью, ни среди тех, у кого она была низкой.

Почему происходило ухудшение лишь контр-стереотипного, “обрусевшего” образа иммигранта и никак “не страдало” восприятие стереотипного образа иммигранта? Судя по всему, контр-стереотипность в состоянии когнитивной нагрузки может рассматриваться индивидами как фактор неожиданности, требующий более детального изучения образа иммигранта. Поскольку ресурсы ограничены, такое детальное изучение затруднено. Как следствие, могут активироваться негативные стереотипы в отношении иммигранта. Стереотипный же образ не требует глубокой обработки и не вызывает изменения своей оценки под действием когнитивной нагрузки. Исходя из этого, мы можем ожидать, что ухудшение оценки образа иммигранта лежит в плоскости взаимодействия двух “усложнений” – когнитивно нагруженного контекста и когнитивно нагруженного сообщения об иммигранте *per se*. Этот результат согласуется с данными, полученными при изучении управления страхом смерти [19]: когнитивная нагрузка ухудшала преимущественно оценку субъективно сложной, неавтоматизированной информации. Отсутствие взаимодействий данного эффекта с прочими контролировавшимися в ходе нашего исследования факторами может говорить о его устойчивости.

Полученные результаты показывают, как “мотивированный тактик” может оценивать образ иммигранта при ограниченных когнитивных ресурсах. Вероятно, что когнитивная нагрузка не искажает способности оценивать образ иммигранта рационально. Об этом говорит отсутствие влияния когнитивной нагрузки на когнитивную оценку образа иммигранта. Вероятно также, что когнитивная нагрузка не искажает эмоциональную оценку иммигранта, если его образ вполне стереотипен, т.е. легок в обработке. Однако вероятно, что когнитивная нагрузка ухудшает эмоциональную оценку контрстереотипного, а следова-

тельно, сложного в обработке образа иммигранта. Недавно Д. Амодио (*Amodio*) и П. Дивайн (*Devine*) [18] показали, что имплицитная стереотипизация и аффективная оценка членов аутгрупп могут действовать независимо друг от друга. Авторы также предположили, что они обеспечиваются различными нейронными механизмами. Как известно, аффективная оценка связана с активацией подкорковых отделов головного мозга, в частности миндалевидного тела [39], в то время как стереотипизация сопровождается активацией неокортикальных отделов [46]. Похоже, что наши результаты согласуются с гипотезой Амодио и Дивайн [18] в части эксплицитных (измеренных самоотчетной шкалой) стереотипов.

Как можно трактовать предсказания оценок иммигрантов по чертам личности? Напомним, что высокие оценки иммигрантов предсказывались высоким нейротизмом на фоне высокой социальной желательности, пониженного психотизма и повышенной экстраверсии. Вероятно, что высокоположительные оценки иммигранта обусловлены саморегуляцией. Индивиды могут стремиться к созданию положительной самопрезентации, и саморегуляция стереотипов – удачный для этого инструмент. Саморегуляция стереотипов вот уже 20 лет находится в центре внимания социальных психологов. Например, несмотря на сильные ассоциации между суждениями об афроамериканцах и их стереотипными чертами, многие американские респонденты склонны их подавлять [29, 40]. Вероятно, что среди российских респондентов наблюдаются сходные процессы. Об их возможной универсальности могут косвенно свидетельствовать данные социальной нейробиологии: существуют определенные нейронные механизмы, отвечающие за подавление социальных суждений [17]. Поскольку в нашем исследовании изучались эксплицитные (т.е. измеренные самоотчетной шкалой) оценки иммигрантов, есть основания полагать, что высокие оценки иммигрантов во многом были связаны с эффективным подавлением предубеждения. Таким образом, вероятно, что процессы подавления негативных социальных суждений наиболее интенсивно проявляются среди индивидов с указанным выше симптомокомплексом черт личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное исследование ставит больше вопросов, чем дает определенных ответов. Используемая форма манипуляции когнитивной нагрузкой является весьма условной, что объясняется экспериментальным планом исследова-

ния. Таким образом, остается открытым вопрос об эффектах когнитивной нагрузки, выраженной в других, более социально адаптированных формах. Примерами таковых могут быть информационно или эмоционально насыщенные фоновые сообщения, предшествующие (или параллельные) сообщениям об иммигрантах. Такая ситуация вполне характерна для СМИ. Остается также открытым вопрос о роли образа иммигранта. В нашем исследовании фигурировал лишь образ иммигранта – молодого человека. Таким образом, неясно, сохраняются ли обнаруженные эффекты при половозрастной модификации образа иммигранта. В настоящем исследовании усложнение образа иммигранта осуществлялось за счет его контрстереотипизации. Полученные эффекты могут не сохраниться в случае, если усложнение образа будет происходить по-другому (например, нагруженностью сообщения об иммигрантах дополнительной нерелевантной информацией). Также остается совершенно неясной роль различного рода социальных ситуаций, способных повлиять на оценку иммигранта. Примерами могут служить индуцированные эмпатия [14, 28] и агрессия [27, 35]. Наконец, остается неясной степень, в которой позитивные оценки иммигрантов обусловлены имплицитно положительным отношением к иммигрантам, а не эффективным сознательным контролем предубеждений. Эти и многие другие вопросы, связанные с восприятием иммигрантов, ждут своего теоретического и эмпирического решения.

ВЫВОДЫ

1. Когнитивная нагрузка снижает эмоциональную привлекательность контрстереотипного образа иммигранта. При этом когнитивная нагрузка не влияет на эмоциональную привлекательность стереотипного образа иммигранта.
2. Когнитивная нагрузка влияет на эмоциональную, но не на когнитивную оценку иммигрантов (степень стереотипности образа).
3. Повышение эмоциональной оценки иммигрантов обусловлено рядом черт личности россиян. В частности, высокие эмоциональные оценки можно ожидать при высоком нейротизме на фоне высокой социальной желательности, пониженного психотизма и повышенной экстраверсии. Однако черты личности не влияют на когнитивную оценку образа иммигранта.
4. Результаты исследования позволяют выдвинуть гипотезу о двухфакторной модели восприя-

тия иммигрантов. В качестве факторов в модели выступают когнитивные и аффективные аспекты восприятия.

5. Дальнейшие исследования восприятия иммигрантов могут быть связаны с изменением форм когнитивной нагрузки, предъявляемого образа иммигранта, экспериментальным индуцированием различных социально-психологических феноменов, изучением фактора сознательного контроля предубеждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балева М.В.* Полимодальное Я: этнический и кросскультурный аспекты: Дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 2004.
2. *Балева М.В.* Этнические стереотипы: содержание, закономерности, измерение // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. 2009. Т. 5. № 9.
3. *Балева М.В., Корниенко Д.С.* Эмоциональный характер информационного воздействия как фактор восприятия иммигрантов в России // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. 2007. № 5. С. 167–186.
4. *Гриценко В.В., Смотров Т.Н.* Ценностные ориентации и склонность к девиантному поведению (на примере этнических мигрантов и коренных жителей Саратовской области) // Психол. журн. 2005. Т. 25. № 6. С. 44–58.
5. *Канеман Д., Тверски А.* Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психол. журн. 2003. Т. 24. № 4. С. 32–42.
6. *Константинов В.В.* Социально-психологическая адаптация вынужденных мигрантов в условиях диффузного или компактного проживания // Психол. журн. 2005. Т. 25. № 2. С. 16–21.
7. *Корниенко Д.С., Щебетенко С.А., Балева М.В.* Половые различия, стереотип и локус контроля в восприятии образов иммигрантов // Вестник Пермского государственного педагогического университета. Серия X “Дифференциальная психология”. 2007. Вып. 2. С. 48–63.
8. *Лебедева Н.М., Марковская О.В.* Взаимосвязь социальных представлений русских и немцев с психологическими характеристиками культур (на примере ситуации гостеприимства) // Психол. журн. 2006. Т. 26. № 4. С. 77–85.
9. *Лебедева Н.М., Марушкевич С.А.* Влияние идеологии поликультурного общества на отношение московской молодежи к мигрантам // Молодые москвичи. Кросскультурное исследование. М.: РУДН, 2008. С. 280–306.
10. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Этническая идентичность, статус группы и тип расселения как факторы межгрупповой интолерантности // Психол. журн. 2005. Т. 25. № 3. С. 51–64.
11. *Мнацаканян И.А.* Адаптация учащихся в новых социокультурных условиях: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2004.
12. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН; Академический проект, 1999.
13. *Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С.* Социальная психология. Пойми других, чтобы понять себя! СПб.: прайм_ЕВРОЗНАК, 2002. Т. 2.
14. *Щебетенко С.А.* Читательницы и сказочные персонажи: эмпатия и близость // Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность / Под ред. Л.Я. Дорфмана. М.: Смысл, 2004. С. 234–260.
15. *Щебетенко С.А., Балева М.В., Корниенко Д.С.* Стереотип и социальная угроза как факторы восприятия иммигрантов русскими // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. 2006. Т. 2. № 2. С. 138–151.
16. *Щебетенко С.А., Корниенко Д.С., Балева М.В.* Восприятие русскими иммигрантов: половые различия и стереотип // Психология когнитивных процессов. Смоленск: Универсум, 2007. С. 352–357.
17. *Amodio D.M., Kubota J.T., Harmon-Jones E., Devine P.G.* Alternative mechanisms for regulating racial responses according to internal vs. external cues // Social Cognitive and Affective Neuroscience. 2006. V. 1. № 1. P. 26–36.
18. *Amodio D.M., Devine P.G.* Stereotyping and evaluation in implicit race bias: Evidence for independent constructs and unique effects on behavior // Journ. of Personality and Social Psychology. 2006. V. 91. № 4. P. 652–661.
19. *Arndt J., Cook A., Goldenberg J.L., Cox C.R.* Cancer and the threat of death: The cognitive dynamics of death-thought suppression and its impact on behavioral health intentions // Journ. of Personality and Social Psychology. 2007. V. 92. № 1. P. 12–29.
20. *Baddeley A.D.* Working memory. Oxford, U.K.: Oxford University Press, 1986.
21. *Baumeister R.R., Hutton D.G., Tice D.M.* Cognitive processes during deliberate self-presentation: How self-presenters alter and misinterpret the behavior of their interaction partners // Journ. of Experimental Social Psychology. 1989. V. 25. P. 59–78.
22. *Bohner G., Wänke M.* Attitudes and attitude change. Psychology Press. Taylor and Francis Group, U.K., 2002.
23. *Brewer M.B., Brown R.J.* Intergroup relations // Handbook of social psychology (4th ed.) / Eds. D. Gilbert, S. Fiske, G. Lindzey. Boston: McGraw-Hill, 1998. P. 554–594.
24. *Burris C.N., Rempel J.K.* “It’s the end of the world as we know it”: Threat and the spatial-symbolic self //

- Journ. of Personality and Social Psychology. 2004. V. 86. № 1. P. 19–42.
25. Chaiken S., Liberman A., Eagly A.H. Heuristic and systematic processing within and beyond the persuasion context // *Unintended thought* / Eds. J.S. Uleman, J.A. Bargh. N.Y.: Guilford Press, 1989. P. 212–252.
 26. Chun W.Y., Kruglanski A.W. The role of task demands and processing resources in the use of base-rate and individuating information // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 2006. V. 91. № 2. P. 205–217.
 27. Collins E.C., Crandall C.S., Biernat M. Stereotypes and implicit social comparison: Shifts in comparison-group focus // *Journ. of Experimental Social Psychology*. 2006. V. 42. P. 452–459.
 28. Davis M.H., Conklin L., Smith A., Luce C. Effect of perspective taking on the cognitive representation of persons: a merging of self and other // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 1996. V. 70. № 4. P. 713–726.
 29. Devine P.G. Prejudice and stereotypes: Their automatic and controlled components // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 1989. V. 56. P. 5–18.
 30. Eysenck H.J., Eysenck S.B.G. Manual of the Eysenck Personality Questionnaire (EPQ-R Adult) comprising the EPQ-Revised (EPQ-R) and EPQ-R Short Scale. San Diego, Ca: EdITS, 1994.
 31. Fiske S.T. Stereotypes, prejudice, and discrimination // *Handbook of social psychology* (4th ed.) / Eds. D. Gilbert, S. Fiske, G. Lindzey. Boston: McGraw-Hill, 1998. P. 357–411.
 32. Fiske S.T., Taylor S.E. Social cognition. N.Y.: McGraw-Hill, 1991.
 33. Garcia-Marques L., Santos A.S.C., Mackie D.M. Stereotypes: Static abstractions or dynamic knowledge structures? // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 2006. V. 91. № 5. P. 814–831.
 34. Gilbert D.T., Krull D.S. Seeing less and knowing more: The benefits of perceptual ignorance // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 1988. V. 54. P. 193–202.
 35. Hopf W.H., Huber G.L., Weiß R.H. Media violence and youth violence: A 2-year longitudinal study // *Journ. of Media Psychology*. 2008. V. 20. № 3. P. 79–96.
 36. Hynie M., Lalonde R.N., Lee N. Parent-child value transmission among Chinese immigrants to North America: The case of traditional mate preferences // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2006. V. 12. № 2. P. 230–244.
 37. Kahneman D., Tversky A. On the psychology of prediction // *Psychological Review*. 1973. V. 80. P. 237–251.
 38. Katz D., Braly K.W. Racial prejudice and racial stereotypes // *Journ. of Abnormal Social Psychology*. 1935. V. 30. P. 175–193.
 39. LeDoux J.E. Emotion circuits in the brain // *Annual Review of Neuroscience*. 2000. V. 23. P. 155–184.
 40. Monteith M.J. Self-regulation of stereotypical responses: Implications for progress in prejudice reduction // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 1993. V. 65. P. 469–485.
 41. Osborne R.E., Gilbert D.T. The preoccupational hazards of social life // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 1992. V. 62. P. 219–228.
 42. Pendry L.F., Macrae C.N. Stereotypes and mental life: The case of the motivated but thwarted tactician // *Journ. of Experimental Social Psychology*. 1994. V. 30. P. 303–325.
 43. Petty R.E., Cacioppo J.T. The Elaboration likelihood model of persuasion // *Advances of experimental social psychology* / Ed. L. Berkowitz. San Diego, C.A.: Academic Press, 1986. V. 19. P. 123–205.
 44. Phinney J.S., Dennis J., Osorio S. Reasons to attend college among ethnically diverse college students // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2006. V. 12. № 2. P. 347–366.
 45. Pontari B.A., Schlenker B.R. The influence of cognitive load on self-presentation: Can cognitive busyness help as well as harm social performance? // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 2000. V. 78. № 6. P. 1092–1108.
 46. Rissman J., Eliassen J. C., Blumstein S. E. An event-related fMRI investigation of implicit semantic priming // *Journ. of Cognitive Neuroscience*. 2003. V. 15. P. 1160–1175.
 47. Schimel J., Simon L., Greenberg J. et al. Stereotypes and terror management: Evidence that mortality salience enhances stereotypic thinking and preferences // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 1999. V. 77. P. 905–926.
 48. Schwarz N., Clore G.L. Mood, misattribution, and judgments of well-being: Informative and directive functions of affective states // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 1983. V. 45. P. 513–523.
 49. Wegener D.T., Clark J.K., Petty R.E. Not all stereotyping is created equal: Differential consequences of thoughtful versus nonthoughtful stereotyping // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 2006. V. 90. № 1. P. 42–59.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Образ иммигранта (узбек, стереотип)

Меня зовут Шавкат Уразбаев. Я узбек. Мне 25 лет. Я родился и вырос в Самарканде. Я приехал из Узбекистана, живу в Перми меньше года. Я работаю поваром, раньше торговал на рынке. В работе я настойчивый, терпеливый и упорный. По характеру я добродушный и работающий, немножко прижимистый, иногда простоватый. Я веселый человек, смеюсь над смешными шутками, анекдотами, над другими людьми, над собой тоже.

Я мусульманин, верю в Аллаха, живу по Корану и исламским обычаям. Я думаю, что узбеки самые трудолюбивые. Я люблю свою страну, она самая лучшая. В других странах можно найти работу и заработать деньги. Я думаю, что другие народы совсем не похожи на нас, но не лучше узбеков.

Когда я отдыхаю, я танцую, люблю кататься на лошади, ишаке. Я люблю кушать плов, шашлык из барана, наши национальные блюда. Со своими друзьями я говорю о работе, о вкусной еде, о женщинах. В женщинах я ценю хозяйственность, верность, послушание и красоту. В мужчинах я ценю состоятельность, способность содержать семью, смелость и гордость.

Я хочу иметь хороший дом, семью, богатое хозяйство. Я сильно не забочусь о своем здоровье, хорошо кушаю, отдыхаю. Вредные привычки у меня – только курение и выпивка. Семья для меня – святое, почти все.

Образ иммигранта (узбек, контрстереотип)

Меня зовут Шавкат Уразбаев. Я узбек. Мне 25 лет. Я родился и вырос в Самарканде. Я приехал из Узбекистана, живу в Перми около года. Я занимаюсь предпринимательством, работал на заводе, в принципе могу выполнять любую работу. В работе я трудолюбивый, упорный, целеустремленный, но немножко ленивый. По характеру я добрый, смекалистый, трудолюбивый, немножко наивный, ленивый, люблю выпить. Я веселый человек, смеюсь над смешными шутками, анекдотами и над собой тоже.

Я справляю все традиционные праздники: Новый год, Пасху и другие. Я верю в светлое лучшее будущее, в Бога, в самого себя. Я думаю, что русские – самые лучшие, умные и мудрые, все мы – друзья и братья. Моя страна – самая великая и могучая держава во всем

мире, правда, она находится в депрессии: ее легко разграбить, и она незащищенная. В других странах люди живут лучше, но не идеально. Я думаю, что другие народы – тоже люди, со своими традициями, хотя многие из них – тупые и глупые.

Когда я отдыхаю, я люблю ходить в клубы, на дискотеки, выпивать, ездить на природу, рыбалку или охоту. Люблю есть пельмени, борщ и мясо. Я люблю футбол и хоккей. Со своими друзьями я говорю о женщинах, работе, машинах, отдыхе и выпивке. В женщинах я ценю привлекательность и красоту, ум и хозяйственность. В мужчинах я ценю дружбу и взаимовыручку, силу и ум.

Я хочу достичь благополучия, жить хорошо и счастливо. Я ничего не боюсь, правда, немного боюсь нищеты и смерти. Я особенно не забочусь о своем здоровье, хотя иногда занимаюсь спортом, при необходимости – лечусь. Вредные привычки у меня – только алкоголь и курение, иногда я нецензурно выражаюсь. Семья для меня – главное и самое ценное в жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Шкала оценки привлекательности рассказчика (эмоциональная субшкала)

1. Мне понравился рассказчик
2. На мой взгляд, рассказчик является умным человеком
3. Я разделяю ценности рассказчика
4. Рассказчик вызвал у меня отвращение (обратный пункт)
5. Образ жизни рассказчика для меня неприемлем (обратный пункт)

Шкала стереотипности образа иммигранта (когнитивная субшкала)

1. Рассказчик ведет себя именно так, как ведут себя люди этой национальности
2. Текст соответствует моим представлениям о людях этой национальности
3. Рассказчик – типичный представитель своего народа
4. Я представляю себе людей этой национальности по-другому (обратный пункт)

PERCEPTION OF IMMIGRANTS BY RUSSIANS: EFFECTS OF COGNITIVE LOAD, STEREOTYPICALITY AND PERSONALITY TRAITS

S. A. Shchebetenko

PhD, assistant professor, general and clinical psychology chair, Perm State University, Perm

The current study continues the series of studies of immigrants' image perception by Russians ($n = 215$). Cognitive load is shown to interact with stereotypicality character of immigrants' image when they are perceived by Russians. Cognitive load can worsen emotional assessment of counter-stereotypic immigrants without any influence on emotional assessment of stereotypic ones. This also means that counter-stereotypic images of immigrants can be assessed negatively when cognitive load is high (but not low). At the same time this interaction was not revealed when the level of immigrants' image stereotypicality character was assessed cognitively. The effect is shown to be steady in the context of personality traits, gender of participants of the study, and nationality of immigrant's image as well. Additionally, personality traits predict emotional assessments of immigrants.

Key words: social perception, perception of immigrants, stereotypicality, cognitive load.